

Арина Ларина

ФИКТИВНЫЙ
ЖЕНИШОК

Романтическая
комедия

Арина Ларина

ФИКТИВНЫЙ ЖЕНИШОК

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000552

Арина Ларина. Фиктивный женишок: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62865-0

Аннотация

Внимание! Даше Никитиной нужен жених! А кому из девушек он не нужен? – спросите вы. Но Даше жених нужен очень срочно, она даже готова не выходить за него замуж. Главное, чтобы он появился на юбилее бабушки и убедил всех родственников, что Даша любима и счастлива. Кто только не подбирал кандидата в ухажеры! Но жемчужиной коллекции фиктивных женишков стал Сергей – особь, меньше всего подходящая на эту роль. Лженевеста нашла его сама...

Арина Ларина

ФИКТИВНЫЙ ЖЕНИШОК

Лето стремительно улепетывало из города, словно заяц, которого вспугнул охотник. Мокрые деревья, свинцовые лужи, отражающие мрачное серое небо, и промозглый ветер. Просто изумительно! Чем еще можно испортить август? Только вот такой «чудесной» погодой. Больше нечем.

...Даша тоскливо смотрела в окно и морщилась как от зубной боли.

– Никитина, ты неправильно себя настраиваешь, – назидательно сообщила Вера, восседавшая на диване и с аппетитом поглощавшая печенюшки. – Добавь на морду лица позитива. И жизнь начнет налаживаться. Мы сами формируем ауру вокруг себя. Тебя сейчас окружает шлейф негатива – густой и муторный. Я даже на расстоянии это чувствую.

– В нашем возрасте надо правильно питаться, – в тон ей парировала Даша. – Вот вырастет у тебя живот от мучного, вообще никаких шансов на личную жизнь не останется. И даже позитив на морде лица тебя, Березкина, не спасет!

– Ха, – немедленно отреагировала подруга. – Живот вырастает не от мучного. Надо было анатомию в школе изучать, бестолочь. И вообще, мне лишний вес не грозит. Почему-то. И это очень печально.

Несмотря на солидный для одинокой барышни возраст,

аж тридцать два года, Вера Березкина диеты не жаловала и пополнеть не боялась. Более того, она все еще надеялась прибавить пару килограммов. Правда, ей хотелось, чтобы прибавились они в каких-нибудь интересных местах. Интересных для мужчин. Но увы. Нигде ничего не росло и не прибавлялось. И Березкина, невзирая на титанические усилия, так и оставалась тощей бледной девицей в стиле унисекс. «На любителя», – утешала она себя. Но любители в ее жизни появлялись крайне редко.

– Верка, что делать-то? – вздохнула Даша, вырисовывая на стекле кривую рожицу. – Это так страшно – не верить самому близкому человеку.

– Ой, Дарья, не зли меня. Самый близкий человек у тебя – это я! Я вот тебе никогда не изменю. Веришь?

– Это ты меня замуж зовешь? – мрачно уточнила Даша.

– Дошутишься. С нашим-то счастьем запросто останемся двумя старыми девами и будем вязать друг дружке носки и шарфики.

– У меня есть муж, – напомнила Даша.

– Ха!

Вера закинула в рот очередное печенье и начала его тщательно пережевывать, демонстративно закрыв тему. Ее короткие белобрысые кудряшки воинственно топорщились. Она вообще становилась похожей на ежа, едва лишь речь заходила о Дашином молодом человеке.

– Почему «ха»? – сварливо пристала к ней подруга. – Ничего не «ха»! Да, он гражданский! Но мы поженимся!

Березкина ухмыльнулась с набитым ртом и в деланом восторге округлила глаза.

– Не подавись, – процедила Даша и отвернулась. – Я тебе тогда вообще ничего рассказывать не буду.

Закашлявшись, Березкина залпом допила чай и возмущенно завопила:

– Нет! Ну, интересное кино! Я к ней мчусь через полгорода...

– Ты живешь через дорогу, – напомнила Даша.

– Утешаю ее, жду подробностей! А тут нате вам, она рассказывать не будет! А зачем я тогда приехала? Смотреть, как ты стекла разрисовываешь? Ну-ка быстро колись, что случилось? Ты нашла в кармане Марка чужие трусы? Прочитала эсэмэску от какой-нибудь «сладкой мышки»? У него расцарапана спина? От него воняло незнакомыми духами? Он называл тебя чужим именем?

– Березкина, заткнись, а. – Даша умоляюще посмотрела на подругу. – Мне твой аутотренинг не помогает. Да ничего такого криминального не случилось...

– А жаль. Хоть бы ты этого павлина поймала с поличным и выперла наконец!

– Я в курсе, что ты его терпеть не можешь, – отмахнулась Дарья. – Но он же на тебе жениться не собирается!

– Ой, держите меня! А на тебе, можно подумать, соби-

рается! Дашка, запомни: такие красавчики непригодны для жизни. Они требуют поклонения и жертв, как языческое божество. Они нуждаются в постоянном обслуживании, как кондиционер в Африке. Они ждут любви и комплиментов, как барышня на выданье! Они не умеют давать – только брать! Это дети, которых надо холить, лелеять и баловать! Мы им нужны для этого!

– Почему «мы»? У тебя тоже есть такой красавец? – скептически ухмыльнулась Даша.

– Да ни в коем случае! Мне повезло. А тебе – нет! Ты в него вляпалась, как мышь в мышеловку.

– «Вляпалась», – одурело пробормотала Дарья. – Умеешь ты, Березкина, слова подбирать. Между прочим, он еще ничего плохого не сделал.

– Плохого? А хорошего? Что-нибудь хорошее он сделал, а? И, конечно, ты меня выдернула своим истерическим звонком для того, чтобы рассказать, какой Марк хороший! Я так сразу и поняла. Печень закончилось. Еще принеси!

Переход от обличительной речи к прозе жизни был настолько резким, что Даша не сразу уловила, что от нее требуется.

– Никитина, твоя заторможенная реакция свидетельствует о том, что ты меня не слушаешь!

– Ты Марка вечно ругаешь. Причем довольно однообразно. Я наизусть знаю все, что ты тут будешь гундеть. Но я его люблю. Ясно тебе, дурища?

– Ясно, – покладисто кивнула Вера. – Мне неясно, зачем я приехала.

– Ты приехала сожрать мое печенье, – мрачно предположила подруга. – Сейчас еще принесу. Не стесняйся. Можешь по карманам рассовать.

– И расскаю. Чего нам стесняться? Мы не гордые, не обидчивые. Давай, колись, что случилось.

– Он какой-то не такой...

– Голубой! – восторженно заорала Березкина.

– Тьфу на тебя! Верка, хватит придуриваться. Он... ну... холодный какой-то. В смысле – стал холодным.

– Если холодный, значит, помер, – авторитетно резюмировала подруга и радостно захихикала.

– Березкина!

– Все-все. Я просто пытаюсь привнести в твою трагедию позитива. Это психологически оправданный прием. Нас так учили на курсах. Я хочу опробовать метод на практике.

– Тогда сходи на чьи-нибудь похороны и спой там частушки. Потом расскажешь, чем закончилось, когда я тебе в больницу апельсины принесу, – доброжелательно посоветовала Даша.

– Злая ты, Никитина. Ладно, давай рассуждать логически, без эмоций. Только факты. Что не так?

– Нет у меня фактов, – пригорюнилась Дарья. – Одни эмоции.

– Так это, может, на погоду. Или вообще – климакс начи-

нается. Завязывай с эмоциями. Вспоминай, что конкретно тебя задело.

– Он не спит со мной.

– Давно?

– Прилично. Неделю уже, – тут Даша сурово зыркнула на подавившуюся весельем подружку и с нажимом повторила: – Для нас это – давно!

– Дашунчик, ты меня глазищами не испепеляй. Вот у меня Вениамин был, так он вообще считал, что секс – это праздник для женщины. А праздников много быть не должно. Они у него все были календарными: Новый год, Восьмое марта, День конституции и 23 февраля! Я ему даже специально календарик распечатала, там все дни праздничные: День работников рыбной промышленности, День радио, День зеленого зайца. Так нет! Венечка говорил, что уж праздник так праздник! Это должен быть полноценный выходной, отмеченный на календаре красным цветом. А ты говоришь – неделя.

Что еще вменить Марку в вину, Даша просто не знала.

Женская интуиция – великая вещь. Очень часто барышни чувствуют нечто такое, что невозможно передать словами. Это витает в воздухе, наматывая нервы на бобины мужского равнодушия и натягивая струны души до предела.

Даша Никитина не была красавицей. Мама так и говорила ей всегда: «Не красавица ты у меня, зато умная». В юности отчаянно хочется красоты. Чтобы кавалеры падали шта-

белями, чтобы подружки стонали от зависти и чтобы тот, единственный, самый-самый, гарантированно обратил на тебя внимание. Ум в юности – это понятие эфемерное. Его может хватать для того, чтобы учиться на хорошие отметки, сдавать экзамены и не прогуливать занятия, но в житейском плане этого недостаточно. Поэтому умные девочки часто совершают крупные ошибки вовсе не в учебном процессе, а в жизни.

Жизнь – не контрольная, в ней мало что можно исправить или переписать.

Никаких фатальных ошибок Даша нагородить не успела. Но и понять, что иногда обаяние важнее красоты, она тоже не сподобилась. Поэтому за юностью пришла зрелая молодость, а мадемуазель Никитина так и жила с мыслью, что внешность ее оставляет желать лучшего, а мужчины в первую очередь западают на оболочку. Пока он там выковыряет из дамы сердца что-то такое, похожее на изюминку... Если вообще выковыряет. Может, и вовсе пройдет мимо, даже не обернувшись. Да, может, в ней полкило изюма! Но он весь внутри, а самцы искать ленятся. Им бы что попроще, понагляднее, где весь изюм снаружи.

Хотя про мужчин она, возможно, была права. На ум реагируют работодатели, для них это актуально. А вот мужики умных дам недолюбливают. Не все, но большинство.

Нельзя сказать, что Дарья вообще не интересовала про-

тивоположный пол. Вялые романчики у нее были. Но именно вялые, так как кавалеры, по-видимому, тоже маялись от собственного несовершенства, поэтому не замахивались на модели и актрис, а брали то, что ближе лежало. Даша, работавшая в конструкторском бюро инженером, как раз идеально вписывалась в эту категорию. Беда была в том, что она так и продолжала мечтать о принце. А те, что крутились рядом, незатейливо ухаживая, принцами не были.

И тут появился ОН.

Именно так, большими буквами.

Марк.

Синеглазый брюнет модельной внешности. Принц – сказочный, необыкновенный.

Сначала Даше было страшно. Она все ждала подвоха, ша-рахалась от его ухаживаний, как лошадь от пьяного егеря. Тем более что и ухаживал Марк как в кино. Он был прекрасен во всем, словно образ идеального мужчины, тщательно продуманный сценаристом. Нормальные женщины, проще говоря – обычные инженеры, не обремененные излишней самоуверенностью, таких индивидуумов пугаются.

Но когда «индивидуумы» напористо завоевывают, очаровывают и опутывают комплиментами, то почему бы не сдать-ся на милость победителя? В конце концов, а вдруг? Ведь в обыденной жизни есть место чуду. И Золушка однажды может стать королевой.

То, что Марк приехал из какого-то поселка Утюжки, ее

не смущало. Для влюбленной женщины какие-то там Утюжки – это так мило и трогательно. Уже потом, при размене квартиры и дележке имущества дамы могут попрекать своих бывших супругов какими-нибудь Нижними Колтунами, Верхними Пупырями или Малыми Утюжками. А в период ухаживания это даже романтично.

Но у Даши хватило ума ни Березкиной, ни маме об этих самых Утюжках не говорить. Ведь ясно же, что они обе начнут петь хором: лимитчик, квартира, беги. Бежать Даша не собиралась. В конце концов, в крупном мегаполисе едва ли не больше половины жителей – приезжие. Только со временем они об этом забывают и начинают вновь прибывающих гнать на историческую родину криками «Понаехали!».

Дашин квартирный вопрос еще два года назад решил дед, подарив на тридцатилетие симпатичную двухкомнатную квартиру. У нее не было необходимости непременно искать мужа с жилплощадью, как у многих других. Ведь известно, что жить нужно отдельно от родителей, иначе родственники будут «причинять добро» до тех пор, пока не разведут молодоженов. Поэтому Дарья могла себе позволить просто влюбиться без оглядки на прозу жизни.

Что она и сделала с трепетом и восторгом.

И все было чудесно, восхитительно, сказочно! Даже вредная Березкина ворчала, глядя на счастливую подружку, мол, ладно, мужик дрянский, конечно, но зато будет что вспомнить на старости лет.

Влюбленные слепы, глухи и мало вменяемы. Они нежатся в своем чувстве, дурея от восторга, и думают, что так будет всегда. Мадемуазель Никитина была девушкой трезвой, поэтому, конечно, от восторга дурела, но с внутренней опаской. Словно победитель лотереи, который вроде и рад миллиону, но все ждет, когда ж его наконец-то ограбят, чтобы можно было спать спокойно.

И вот сейчас случилось то, чего она так боялась. Даше все время казалось, что Марк вот-вот прозреет и поймет, что она не модель, не красавица, не Золушка, в конце концов. Любимый, словно Вий, которому подняли веки, внезапно увидит прыщи, складки, первые морщинки и прочие фатально влияющие на светлое чувство факты. А он все не прозревал. Закончился май, шло лето, а она все жила в сказке, ставшей явью.

И лишь неделю назад витавшая в облаках и изредка опасно поглядывавшая на землю Даша внезапно ощутила, что что-то случилось. Вроде все было как обычно, но тревога и неуверенность нарастали. Она стала присматриваться к любимому, в ужасе осознавая, что между ними растет стена. Нет, не каменная, а хрупкая, стеклянная, но все же стена.

Он не так говорил, не так смотрел – не так, как раньше. Женщины обычно подмечают мелочи. Собственно, только женщины могут раздуть мелочь до размеров крупного дирижабля, прекрасно понимая и даже с содроганием ожидая –

щас ка-а-ак лопнет! А он и лопается. И всех накрывает, вокруг сплошные жертвы, зато выговорилаь и убедилась – таки да, не мелочь. Часто умение вовремя промолчать может спасти семью. А иногда привычка молчать может угробить жизнь. Вот и поди разберись, как лучше.

Даша сначала решила молчать. Но молчать сложно. Тревога разбухает, вскипает внутри, норовя вырваться струей обжигающего пара и изничтожить все в радиусе ста метров. Поэтому надо, как говорят специалисты, – подтравливать. То есть делиться хоть с кем-нибудь, ослабляя давление тяжелых мыслей на мозг. Объект, с которым вы планируете делиться, нужно тоже выбирать тщательно. Кто-то поддержит, мол, да, кошмар, и только усугубит тревогу. Кто-то, наоборот, утешит, дескать, ай, ерунда какая, вот у моей знакомой такой ужас был, далее следуют подробности. Вы отвлекаетесь на чужие ужасы, свои постепенно забываются и перестают казаться реальными. Вы расслабляетесь. Но и тут дилемма. Возможно, лучше было бы не расслабляться, а рвать, не дожидаясь, пока вашу ситуацию тоже кому-то начнут описывать в качестве примера неприятностей крайней степени.

Наверное, Березкина была не лучшим вариантом, но ближе у Даши никого не имелось. С Веркой они были дружны с ясельного возраста и за долгую жизнь как-то даже сроднились.

Рассказывать о своих опасениях маме – только лишний

раз нервировать родительницу: она спала и видела, как ее перезревшая дочь выйдет замуж хоть за кого-нибудь и родит, наконец, долгожданных внуков. Вариант про «кого-нибудь» мама озвучивала регулярно, но напрасно. Даша прекрасно понимала, что маменьку не устроит практически никто из тех, с кем дочь когда-либо встречалась. Татьяне Антоновне нужен был такой зять, чтобы вся родня удавилась от зависти. А таковых в природе не имелось, поскольку вышеназванная родня все равно нашла бы в избраннике дефекты и лишний раз убедилась, что у них все лучше.

– Что именно не так? – потерев Дашу подруга, которой надоело ждать внятных пояснений. – Он перестал дарить каждый день цветы?

– Перестал, – встрепенулась Дарья. Наконец-то выявился хоть один четкий факт, вызывающий тревогу. – Точно! Раньше часто дарил, а тут уже неделю ничего!

– Мои знакомые тетки тебя за такое заявление просто побили бы, – мечтательно потянулась Березкина. – Я, конечно, твоего красавчика на дух не переносу, но ты зажралась, Дашенция. Вот правильно говорят: человек такая скотина – ко всему быстро привыкает.

– Сама скотина, – обиделась Даша. – Объясняю же, не в этом дело! У меня просто общее ощущение нехорошее. Женская интуиция, понимаешь?

– Я про женскую интуицию больше тебя понимаю. У ме-

ня она сработала еще тогда, когда ты своего Аполлона мне первый раз показала. Не жилец он в семейной жизни.

– Ты мне надоела, – разозлилась Даша. – Думаешь, сожрала печенье, можно уже гадости говорить?

– Ну, во-первых, я не знала, что сожрала уже все. Я надеялась, что у тебя еще заныкано где-нибудь. А во-вторых, я гадости начала говорить еще в мае, когда вы познакомились. Он у тебя как сезонный рабочий: огурцы собрал с полей и деру. Кстати, надеюсь, деньги ты ему не давала?

– Нет, – торопливо потрясла головой Дарья. – Зачем ему деньги? Не давала я никаких денег. С какой стати я бы стала мужчине...

– Все, достаточно, – Березкина уничтожающе смерила ее взглядом, – не таракти. Когда человек так многословен, он совершенно точно врет! Сколько дала-то?

– Не давала, – уперлась Даша. – Отстань.

– Ну-ну. Ясненько. А ты деньги случайно ему не неделю назад «не давала»? А то у тебя красной строкой пробегает этот незамысловатый срок. Цветов не дарит неделю, не спит неделю. Compliments тоже, небось, неделю назад на уши вешать перестал?

– Знаешь что, Березкина!..

– Березкина все знает! – рявкнула Вера. – Ладно, дарю тебе практические советы. Пользуйся! Первое – проверь карманы на предмет записок. Второе – проверяй телефон регулярно, особенно обрати внимание на звонки от всяких сле-

сарей, мастеров по ремонту холодильников, от Сереге какого-нибудь из автосервиса. Умные мужики умеют шифроваться. Третье – обнюхай одежду.

– Носки тоже? – мрачно уточнила план действий Даша. Она уже остро пожалела, что попросила совета у шибко умной в житейском плане подруги.

– Носки нюхать не надо, надо посмотреть, нет ли на них чужих волос. Женских. И не надо тут ерничать. Слушай тетю Веру. Тетю Веру столько раз надували, что она знает все и может даже открыть центр платных услуг для обманутых жен. Я этих гавриков на чистую воду с полплевка вывожу!

– Молодец, садись, пять, – хмыкнула Дарья. – Спасибо за инструктаж. Знаешь, благодаря тебе я поняла, чего точно делать не надо. И вообще, меньше знаешь – крепче спишь.

– Да-да. Ты, главное, подушку рогами не порви. А так да – спи спокойно, дорогой товарищ!

Пикировку прервал требовательный звонок в дверь.

– Марк! – всполошилась Даша, ринувшись к зеркалу. Отражение, как обычно, слегка огорчило и разочаровало. Но ничего за пределами неприличного зеркала не продемонстрировало: аккуратно собранные в замысловатый узел пышные волосы, большие серые глаза, высокие скулы – нормально. Все нормально.

– Ах, какое счастье, – проворчала Березкина, – наш принц прискакал на кривой кобыле. Зато мы не подрались. Я сва-

ливаю, но напоминаю: проверь и убедись. Я потом готова тебя пожалеть.

– Непременно приеду к тебе порыдаты, – выталкивая по-другу в прихожую, пообещала Дарья.

Марк, войдя в квартиру, презрительно скривил сочные, яркие губы:

– Какие люди! Верочка, снова ты? Я так понимаю, что чаю ничего не осталось?

– Да, – ухмыльнулась Березкина, – опять прилетала фея и все сожрала. Зато ты не испортишь свою офигительную фигуру. О тебе забочусь, нарцисс ты наш!

– Благодарствую. Как жаль, что ты уже уходишь.

– Могу и задержаться, – великодушно предложила Вера, бодро влезая в ботинки и одновременно натягивая куртку.

– Да ни в коем случае. Прощай, прожорливая фея!

– И тебе не хворать, – съехидничала Березкина, помахала рукой Даше и выскользнула из прихожей, наполненной отрицательными флюидами, как улей пчелами.

Едва за Верой закрылась дверь, на Дашу обрушилась гнетущая тишина. Нет, не тишина – молчание. Отчужденное, холодное и колкое. Она судорожно придумывала тему для разговора, пока это отвратительное молчание не превратилось в пропасть, но мысли пугливо жались по углам, словно остатки варенья в банке, и никак не желали отскребаться от стенок. Говорить было не о чем.

– Как на работе? – брякнула Даша банальный, привычный вопрос.

– Ты каждый день спрашиваешь одно и то же, – равнодушно бросил Марк. – А я отвечаю «Все в порядке». Считай, что я уже ответил на твой вопрос.

– Есть будешь? – едва не плача, продолжила Дарья, понимая, что и это она спрашивает каждый день.

Любимый молча прошел мимо, обдав ее запахом огуречной туалетной воды.

И тут Дашу осенило.

– Марк! Нам надо куда-нибудь съездить!

– За продуктами?

– Да нет же! Сменить обстановку, посмотреть друг на друга другими глазами. Нельзя, чтобы совместная жизнь приедалась. Именно из-за этого люди и теряют интерес друг к другу. Нужно приключение!

Тут он смерил Дашу таким взглядом, что она как-то резко затихла и съежилась. Наверное, про приключение было не очень хорошей идеей, но в целом мысль была верной. В отношениях должна быть острота, новизна. Когда любимый человек становится для тебя открытой, сто раз прочитанной книгой, приходит скука. А в людской психологии изначально заложено стремление к познанию нового. Именно этим оправдывают себя самцы, любящие гульнуть налево. А что? Захотелось новенького. Освежился, пережил небольшую эмоциональную встряску – и обратно, в теплое дупло к старой бел-

ке, к орехам, припасам и налаженному быту. Самые смелые экстремалы в дупло не возвращаются, о чем впоследствии сильно жалеют, но никому в этом не признаются.

Отчего-то так повелось, что выбирают мужчины. А женщины либо радуются, что их назначили «любимой женой», либо расстраиваются, если пальма первенства ушла к сопернице.

Даша сейчас очень явственно ощущала, как пресловутая пальма первенства уплывает из рук.

– Марк, – она решительно двинулась в глубь квартиры, – нам надо поговорить.

– Поговори, – кивнул он и, включив компьютер, уставился в монитор.

Ну вот. Получалось, что это она должна говорить! А о чем, если даже непонятно, что именно случилось.

Кстати...

– Что у тебя случилось? – аккуратно бросила пробный шар Даша.

– У меня – ничего, – с нажимом именно на слово «меня» сообщил любимый.

Если прислушаться к интонациям и проанализировать их, получалось, что у него ничего не случилось, а вот у Даши как раз случилось. Интересное кино!

– Хватит, – обозлилась она. – Поговори со мной. Я же чувствую, что что-то не так.

Марк воодушевленно барабанил по клавиатуре, словно не

было рядом никакой настырной девицы с ее дурацкими вопросами.

Даша растерянно смотрела на его спину, борясь с желанием разреветься. Она бы и поплакала, если бы была уверена, что это хоть что-то изменит – например, Марк бросится ее утешать. Но что-то ей подсказывало, что он и на слезы никак не отреагирует. И тогда точно все.

Она на цыпочках вышла из комнаты и затихла в коридоре, разглядывая пальто Марка. Он был невероятным пижоном и ходил исключительно в пальто с белым кашне. Это было так стильно, так... «по-киношному». Да-да, именно по-киношному. Березкина часто зудела, что такие, как Марк, годятся только для слащавых мелодрам, чтобы собирать в прайм-тайм у экранов целевую аудиторию из одиноких или не одиноких, но не удовлетворенных жизнью теток. Даша, вероятно, как раз была его целевой аудиторией.

Неуверенно подойдя к вешалке, она опасливо принялась. Опасливо, потому что, а вдруг он заметит, а вдруг она что-нибудь унюхает...

Черт бы побрал эту Верку с ее idiotскими советами. Даша решительно прильнула к пальто и тщательно обнюхала его. Непонятно. То ли женские духи, то ли мужские. Она выудила из кармана сотовый, но он тоже ситуацию не прояснил. Как и раньше, там ничего не было. Пусто. Ни одной эсэмэски. А ведь Березкина говорила, что у любого нормального человека должны быть хоть какие-то сообщения – хотя бы

реклама.

На душе было мутно. Непонятно откуда взявшееся чувство вины давило, словно гнет на заквашенную капусту.

– Тошно мне что-то, – пробормотала Даша, без сил присев на пуфик в коридоре.

Вроде еще ничего не произошло. Вроде их гражданский брак еще балансирует, словно канатоходец без страховки. Но предчувствие грозы все нарастало и нарастало.

Все бы ничего, если бы...

Неделю назад Марк пришел взбудораженный и невероятно веселый.

– У меня идея! – заорал он с порога, глядя на Дарью сумасшедше счастливыми глазами. – Я могу получить второе высшее! И даже нашел работу. Там такой оклад! Такие перспективы! Радость моя, но я должен с тобой посоветоваться.

И то, что ее назвали «радостью», и то, что он хотел «посоветоваться», совершенно выбило Дашу из колеи, и она, как кот, опившийся валерьянки, тоже начала блаженно улыбаться и радоваться невнятным перспективам.

Суть сводилась к тому, что Марк собрался поступать в коммерческий вуз, для чего требовалось срочно оплатить первый семестр. Деньги у них были. Даша еще весной предложила копить на поездку к теплым морям, чтобы промозглой осенью рвануть в летний рай. Собственно, и копили они, откладывая из ее зарплаты. Марк перебивался случайными

заработками, не имея возможности найти приличную работу. Идти на «неприличную» он категорически не желал. Экономическое образование позволяло ему мечтать о месте финансового директора в крупной компании. То, что получено оно было в каком-то сомнительном институте на далекой периферии, его не смущало. Зато смущало работодателей. Поэтому временно Марк подрабатывал в каких-то невнятных местах, где его нещадно обманывали. И тут такой шанс! Конечно, Даша согласилась. Разве можно сравнивать обучение и перспективу с каким-то там отпуском у моря?

Но именно после того, как из коробочки деньги перекочевали в престижный вуз, любимый резко изменился.

Думать об этом категорически не хотелось, но предательские сомнения так и лезли в сознание, словно прожорливые улитки на капустную грядку.

Татьяна Антоновна терпеливо дожидалась, пока оголодавший супруг умнет третью котлету и будет готов к серьезному разговору. За долгие годы семейной жизни она усвоила: во время еды – не лезь. Попытка примотаться к дражайшему мужу в процессе приема пищи приравнивалась к покорению опоры линии электропередачи в дождь – шандарахнет так, что одни тапочки останутся.

Она и не лезла.

Своего супруга мадам Никитина нежно любила. Ей нравилось смотреть, как он ест, как спит, как бреется. Они были

вместе с первого курса института и, удивительное дело, не надоели друг другу. Во всяком случае, в себе Татьяна Антоновна была уверена. Да и в муже тоже. Она вовсе не была тихой домохозяйкой, хотя супруг, трудившийся на приличной должности, по умолчанию считался главой семьи, кормильцем и поильцем. Тиран и деспот на работе, дома он превращался почти в подкаблучника, который преданно и покорно следует указаниям жены. Но только не во время еды. Супруга умела соблюдать правильный баланс в отношениях и мирилась с мелкими прихотями мужа.

В общем, все в семье было бы отлично, если бы не непутевая дочка. Именно о ней Татьяна Антоновна и хотела поговорить. Шутка ли – Дарье уже тридцать три, а ни мужа, ни ребенка! Горе луковое.

Михаил Федорович аппетитно подобрал корочкой остатки соуса, аккуратно вытер руки салфеткой и, пододвинув к себе любимую поллитровую кружку с чаем, вопросительно уставился на жену:

- Давай, что у нас опять?
- Дашка.
- А, ясно. Опять будешь просить подыскать жениха?
- Миша, не жениха, а зятя! Разницу чувствуешь?
- Не очень. А она есть?
- Колоссальная. Жених еще может сбежать, а зять уже проходит по документам. Зять – это свершившийся факт. И лучше, если не она нас поставит перед фактом, а мы ее.

– Ты хочешь выдать ее замуж в бессознательном состоянии, чтобы она с этим «фактом» проснулась утром? – разве-селился Михаил Федорович. – Мне кажется, Дашка вполне в состоянии найти такого жениха, от которого мы не придем в ужас и не поседеем. Она девка умная.

– Она шибко умная, – вздохнула жена. – От этого все ее беды. Вспомни, сколько кавалеров наша девица забраквала. Она их видит насквозь, как рентген. Все же замуж надо выходить в ранней молодости и по глупости. Чем старше женщина, тем сложнее ей выбрать мужа. Не потому, что она выходит в тираж, а потому, что она слишком много понимает про сильный пол.

– Чего это Дашка в тираж выходит? – обиделся за дочку Михаил Федорович.

– Еще не выходит, но такими темпами она допрыгается до одинокой старости. А я, между прочим, внуков хочу.

– Я тоже, зайныка. Ты, как всегда, права. Но у меня нет холостых кавалеров на примете. Есть разведенные старые грибы и академики в начальной стадии маразма. Из молодых только охрана и мелкие сошки, про которых я ничего не знаю.

– А ты узнай, – навалилась на стол супруга. – В отдел кадров сходи.

– Схожу, – покорно кивнул Михаил Федорович, одной рукой поглаживая жену по плечу, а другой набулькивая в хрустальную стопку коньяк. Втихаря налить не получилась.

Разомлевшая Татьяна Антоновна резко очнулась, сфокусировавшись на янтарной жидкости.

– Миша! Пей чай, а не это!

– Стопочку. А то я что-то разнервничался. Не представляю, что в отделе кадров говорить? Неудобно как-то. Все ж начальство. Приду я к ним, а тетки потом сплетничать будут.

– Не будут. Побоятся. Миша, только одну стопку, понял? И чтоб завтра занялся пристройством Дашки!

Радостно кивнув, супруг начал цедить коньяк. Ни в какой отдел кадров он идти не собирался. Вот еще, глупость какая бабская. Но как муж с большим семейным стажем он прекрасно понимал, что с женщиной всегда надо соглашаться. Согласился – тишина. Начал спорить – вынос мозга на час, и все равно в итоге придется согласиться. А дочка со своей личной жизнью сама разберется. Тем более что предыдущие две попытки спарить ее с сотрудниками его ведомства закончились ничем.

Татьяна Антоновна хотела было дать еще пару «цэу» супругу, но пронзительная трель телефона отвлекла ее от лекции на тему моральных и материальных характеристик будущего зятя.

– Танюша, привет! – зажурчал в трубке вкрадчивый голос Елены Петровны.

– Ленуся, привет, дорогая! – ахнула Татьяна Антоновна, изобразив крайнюю степень радости. Вот ведь счастье-то – двоюродная сестрица мужа звонит!

Со стороны можно было подумать, что дамы чрезвычайно рады общению, но даже две кобры в одной тесной банке относятся друг к другу позитивнее.

Их скрытое противостояние началось много лет назад, когда Татьяна Антоновна была юной и наивной барышней, пылко влюбившейся в вихрастого первокурсника Мишу. Миша, к несчастью или к счастью, был отпрыском высокопоставленного чиновника со всеми вытекающими из этого привилегиями. Правда, Миша с отцом не очень ладил, поскольку был парнем веселым, шепутным и норовил испортить папеньке карьеру тягой к диссидентству и разговорами о демократии. Будущий свекр Танечки строил коммунизм, что по тем временам было единственно верным курсом, а непосредственное участие в строительстве давало возможность толпиться у самой кормушки. Именно поэтому Танечка, впервые попавшая в Мишины хоромы, одурело бродила по комнатам и не знала, восхищаться ей или пугаться. В том, что семейство любимого сочтет их свадьбу мезальянсом, можно было не сомневаться. Так отчасти и вышло. За некоторым исключением. Федор Леонтьевич с супругой неожиданно отнесли к Татьяне благосклонно.

– Хоть остепенится, ешкин хрен! – непонятно отреагировал папенька и ободряюще шлепнул будущую невестку по спине.

Кто такой «ешкин хрен» и почему остепенится, Таня

узнать не успела. Именно в тот момент, когда родители жениха не погнажи ее поганой метлой, а признали за свою, завилаась «тетя Маша» с дочкой.

Мария Леонтьевна была родной сестрицей отца жениха и, соответственно, Мишиной теткой. Костистая, сухопарая, с пронзительным взглядом и зычным голосом, она тут же поставила Татьяне диагноз:

– Так и знала, что нашего дурака окрутит какая-нибудь лимитчица! Что, барышня, квартира вам приглянулась? Или думаете, что Федька вас на блатную должность пристроит? А вот кукиш!

И упомянутый кукиш она немедленно предъявила оторопевшей Тане. Мелкая девчонка с двумя тощими косицами, болтавшаяся у подола тетки, радостно улыбулась беззубым ртом и тоже показала госте фигу – крошечную и от того совершенно нелепую. Так Таня впервые познакомила с Еленой Петровной и ее склочной мамашей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.